W в кино
Полотна и предметы с них, мастера «сурового стиля» и гении, изображающие воздух
→ 3

модный *W*
Вторжение моды в залы Лувра как примета времени без признаков мастерства
→ 4

W на диване
«Бруталист» на экране и брутализм в Чебоксарах — две шершавые стороны одной бетонной плиты
→ 6

W на экскурсии
Сентиментальный детектив к юбилею мастера ехидства и бытописательства Джейн Остен
→ 7

содержательный *W*
Хоррор из далекого прошлого, который пугает узнаваемостью в настоящем
→ 8

Коммерсантъ Weekend
20 ФЕВРАЛЯ 2025 № 4

6 молодых режиссеров с ярким авторским почерком

W в театре

За последние три года театральный пейзаж в России сильно изменился: уехали многие режиссеры, драматурги, актеры и художники, определявшие лицо современной сцены в последние два десятилетия. Но в то же время появились новые имена и фигуры, за которыми интересно следить: они делают сегодня свой, ни на кого не похожий театр. В ближайшее время у каждого из них премьера.

Текст: Марина Шимадина

Антон Федоров,
43 года

ИРА ПОЛЯРНАЯ / ПРЕСС-СЛУЖБА ТЕАТРА НАЦИЙ

Актер по первому образованию, он пришел в режиссуру довольно поздно, но сразу стал любимцем публики и критики. Как и его учитель Юрий Погребничко, Федоров создает собственные параллельные реальности. Его герои — чудаки и фрики, осколки советской Атлантиды, Чебурашки из зоны, куртизанки из Жулебино, пьяницы и нелепые строители будущего. Речь их состоит из междометий, мемов и цитат — нашего коллективного бессознательного, порубленного в мелкую окрошку, вернее, в борщ, которому посвящена целая ода в спектакле «Где ты был так долго, чувак?».

В спектаклях Федорова много юмора, иногда на грани, как в «Мадам Бовари», где французский мешают с нижегородским, но много и щемящей нежности, как в «Шинели» в пространстве «Внутри», в которой двухметровый Башмачкин выглядит большим несчастным ребенком. Как и совершенно неожиданный ребячливый Шариков (Андрей Максимов) в «Собачьем сердце» МТЮЗа — пожалуй, самом традиционном и успешном спектакле Федорова в Москве.

Режиссер много работает и в других городах. Его спектакли не раз приезжали на фестиваль «Золотая маска» из Воронежа, Пскова, Казани и Альметьевска. А в 2023 году Федорова назначили главрежем театра «Старый дом» в Новосибирске, и с первой же работы, «Котлована» по Андрею Платонову, с труппой у него случился явный мэтч. Так что стоит ждать новых гастролей.

Ближайшая премьера: «Дон-Кихот» в московском Театре наций — 27, 28 февраля

→

Елизавета Бондарь,

38 лет

СЕРГЕЙ ПЯТАКОВ / РИА НОВОСТИ

Хрупкая женщина со стальным характером и трагическим мировосприятием действительности. Ее спектакли отличает мрачность и безысходность: она исследует психику людей в нечеловеческих условиях, как в постапокалиптическом «Макбете» в Театре наций, или устраивает героям краш-тесты, ставя их перед невыносимым выбором, как в «Пятой печати» в МТЮЗе.

При этом Бондарь — одна из очень немногих в России — занимается формальным театром и делает это филигранно. Оперный режиссер по образованию, ученица Дмитрия Бертмана, она и драматические спектакли создает по музыкальному принципу — ритмическому и интонационному. У каждого актера в ее постановках своя голосовая партитура, так что они звучат как инструменты в оркестре. А самый сложный и виртуозный образ у нее создал Сергей Волков, бывший актер Юрия Бутусова: в спектакле «Голод» по роману Кнута Гамсуна в МХТ имени Чехова он играет писателя-неудачника с расстроенной психикой, мгновенно переходящего от восторга к отчаянию и обратно.

Ближайшая премьера: «Принц Гомбургский» в Никитинском театре в Воронеже, 22 февраля

Дмитрий Крестьянкин,

36 лет

ВЛАДИМИР ФЕДОРЕНКО / РИА НОВОСТИ

Выбрал для себя образ парня из соседнего двора. И театр делает не высоколобый, а максимально демократичный. В Петербурге Крестьянкин создал «Плохой театр», куда не продают билеты: публика сама оставляет донаты. А его самый популярный спектакль «Квадрат» — это воспоминания о юности в лихие 1990-е с футболом и дискотекой на пустыре. Своеобразным продолжением «Квадрата» в Москве стала постановка «2007» в Театре имени Маяковского — спектакль-концерт с участием настоящей рок-группы, исполняющей хиты нулевых.

Крестьянкин вообще редко ставит пьесы, чаще он работает с документальным материалом: в той же Маяковке идет его спектакль «Поиск продолжается» про отряд «ЛизаАлерт», а в РАМТе — «Деревня и я», честный док о жизни подростков в селе. А еще Дмитрий занимается социальным инклюзивным театром, в том числе в проектах Бориса Павловича. Но иногда его героями оказываются знаковые фигуры прошлого: например, директор императорских театров Владимир Теляковский в интерактивном спектакле «Красный фонарь» в Театральном музее Петербурга.

Предстоящая премьера: «День закрытых дверей» в Театре наций, апрель

Филипп Гуревич,

36 лет

ИЛЬЯ ГИТАЛЕВ / РИА НОВОСТИ

Часто работает в театре для подростков и ставит современную драматургию. Один из самых успешных спектаклей Гуревича — «Василисса» по пьесе Марии Малухиной в РАМТе, роуд-муви в мире русского фольклора, по стилю напоминающее фильмы Тима Бёртона — с выбеленными лицами и мощным саундтреком.

В стилистике кинонуара выдержаны и его взрослые постановки, например «Войцек» по Бюхнеру в Театре имени Маяковского. Но самая значительная на сегодня работа режиссера — это «Ленинградские сказки» в том же РАМТе, где страшное прошлое страны, война и блокада показаны глазами детей в преломлении их фантазии.

Взявшись инсценировать сразу четыре книги исторической саги Юлии Яковлевой, авторы сильно забуксовали в перипетиях сюжета. Но главное, Гуревич создал калейдоскоп таких сильных и эмоциональных образов, что они надолго врезаются в память.

Ближайшая премьера: «Сато» в Театре наций, 2–3 марта

Мурат Абулкатинов,

33 года

ПРЕСС-СЛУЖБА ТЕАТРА НАЦИЙ

Окончив мастерскую Сергея Женовача в ГИТИСе в 2022-м, Абулкатинов уже через два года возглавил Красноярский ТЮЗ, став одним из самых молодых главрежей в стране.

Но успел заявить о себе и в Москве. Его поэтичные спектакли отличает лаконизм оформления и чистота мизансцен. А еще отсутствие суеты и налет меланхолии — словно он смотрит на все, как на далекие воспоминания. Режиссер любит работать с мифами и их преломлениями в сегодняшней жизни — как в спектакле «Тахир и Зухра» в «Шаломе», где будни современных гастарбайтеров сплетены с красивой восточной легендой.

Еще Мурат Абулкатинов часто пускается в ностальгию по молодости и уходящей любви: в независимом театре «а39» он поставил «Июльский дождь» по сценарию одноименного оттепельного фильма Марлена Хуциева, а в Театре наций — «Десять посещений моей возлюбленной» по роману Василия Аксенова, щемящую историю о юности в далеком сибирском поселке, которого уже нет на картах.

Ближайшая премьера: «Гамлет» в Театре на Таганке, 12–13 апреля

Саша Золотовицкий,

28 лет

КРИСТИНА КОРМИЛИЦЫНА / РИА НОВОСТИ

Золотовицкий-младший, новый росток большой театральной семьи, предпочитает, чтобы его звали Сашей, так как хочет подольше сохранить в себе ребенка. Он и правда делает отличные постановки для детей и подростков: в МХТ имени Чехова идут его спектакль-концерт «Соня-9» по рэп-комиксу Алексея Олейникова и похожий на мультик «Морж, учитель и поэт» по повести Артура Гиваргизова.

Но при всей своей легкости, несерьезности и ироничности Золотовицкий умеет мастерски работать с формой и чувствовать актуальные темы. В «Коричневом утре» в РАМТе он на пальцах объясняет детям, как устроен фашизм, а в шекспировской пьесе «Мера за меру» в Театре имени Маяковского обнажает злободневные мотивы абьюза и харассмента. Про домашнее насилие и сопротивление и его студенческая постановка «Добрый властитель быков» по «Книге всех вещей» Гюса Кейера, которая теперь принята в репертуар «Шалома».

Ближайшая премьера: «Голиаф» в театре «Шалом», 9 марта

МИХАИЛ ЛУКИН ШЕФ-РЕДАКТОР АО «КОММЕРСАНТЪ»
ВАСИЛИЙ БИРЮКОВ ГЛАВНЫЙ ХУДОЖНИК

АННА ЧЕРНИКОВА И.О. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
ОЛЕСЯ РЕПКИНА ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ЕЛЕНА СТАФЬЕВА СПЕЦИАЛЬНЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ
УЛЬЯНА ВОЛОХОВА РЕСЕЧЕР

НАТАЛЬЯ КОВТУН ВЫПУСК
ЕЛЕНА ВОЙНАЛОВИЧ
СЕРГЕЙ ШАПОВАЛОВ КОРРЕКТОРЫ

МАРИЯ ЛОБАНОВА БИЛЬД-РЕДАКТОР
ВИКТОРИЯ МИХАЙЛЕНКО ФОТОРЕДАКТОР
СЕРГЕЙ КИРШИН
СВЕТЛАНА ЗАИКИНА ВЕРСТКА

РЕКЛАМНАЯ СЛУЖБА: ПОЛИНА ПРАНЕВСКАЯ; E-MAIL: PRANEVSKAYA@KOMMERSANT.RU

ОТДЕЛ РАЗМЕЩЕНИЯ — НАТАЛЬЯ ЧУПАХИНА; E-MAIL: CHUPAHINA@KOMMERSANT.RU ТЕЛ.: +7 495 797 6970 Д. 2772

ЖУРНАЛ «КОММЕРСАНТЪ WEEKEND» ЗАРЕГИСТРИРОВАН В РОСКОМНАДЗОРЕ ПИ №ФС77-64418 31.12.2015. УЧРЕДИТЕЛЬ — АО «КОММЕРСАНТЪ». АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ: 123112, Г. МОСКВА, ПРЕСНЕНСКАЯ НАБ., Д. 10, БЛОК С
ТИПОГРАФИЯ: ООО «ПЕРВЫЙ ПОЛИГРАФИЧЕСКИЙ КОМБИНАТ», РОССИЯ, 143405, МОСКОВСКАЯ ОБЛАСТЬ, Г. КРАСНОГОРСК, П/О «КРАСНОГОРСК-5», ИЛЬИНСКОЕ ШОССЕ 4-ЫЙ КМ · БЕСПЛАТНО · ТИРАЖ 41 000 ЭКЗЕМПЛЯРОВ

16+

МАТЕРИАЛЫ НА ТАКОМ ФОНЕ ПУБЛИКУЮТСЯ НА КОММЕРЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ. ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ИХ СОДЕРЖАНИЕ НЕСЕТ РЕКЛАМОДАТЕЛЬ

W на выставке

От импрессионизма до «сурового стиля»

Самые масштабные новые экспозиции

В музеях и галереях Москвы и Санкт-Петербурга сейчас виден особый размах. Если ретроспектива, то большая. Не просто изобразительное искусство, но синтез многих его видов. А уж если только картины, то вместе с предметами, изображенными на них.

Текст: Елена Соломенцева

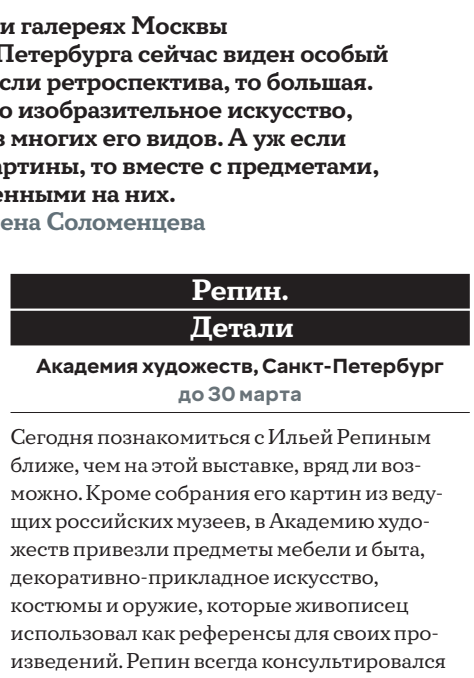
Репин. Детали

Академия художеств, Санкт-Петербург

до 30 марта

Сегодня познакомиться с Ильей Репиным ближе, чем на этой выставке, вряд ли возможно. Кроме собрания его картин из ведущих российских музеев, в Академию художеств привезли предметы мебели и быта, декоративно-прикладное искусство, костюмы и оружие, которые живописец использовал как референсы для своих произведений. Репин всегда консультировался с историками и этнографами: искал настоящие артефакты изображаемых эпох и культур. На выставке есть одежда и сабли запорожцев, которые рядом пишут письмо турецкому султану, мавританский стул с полотна «Негритянка» и сафьяновые сапоги с ног картинного сына Ивана Грозного. Вещи, которые стали деталями узнаваемых шедевров и теперь позволяют взглянуть на них по-новому, прибыли в основном из закрывшегося на ремонт Музея-усадьбы художника «Пенаты». Возможность увидеть эту творческую кухню — своеобразный подарок зрителям к 180-летию со дня рождения Ильи Репина, которое отметили в 2024 году. Но детали здесь — еще и подробности личной жизни художника: фотографии, письма, мемориальные вещи членов его семьи, друзей и знакомых. Все то, что делает образ в истории по-настоящему живым.

1

РИА РИХ

2

ТРЕТЬЯКОВСКАЯ ГАЛЕРЕЯ

Виктор Попков

Третьяковская галерея на Кадашевской набережной, Москва

до 11 мая

Большая ретроспектива мастера «сурового стиля», без которого понимание отечественного искусства второй половины XX века будет неполным. «Кто мы? Откуда? Куда мы идем?» — в попытке национальной самоидентификации вместе со своими современниками Попков откровенно рассуждает о жизни, любви, труде и войне. Кто-то разглядит в его работах отсылки к народной миниатюре или голландскому групповому портрету, а кто-то — метафору времени и памяти. «Художником русской души и большой русской совести» называл Виктора Попкова еще один классик «сурового стиля» — Гелий Коржев. На выставке в Третьяковке собрано более 200 произведений мастера: монументальная живопись и эскизы, графика и линогравюра — о красоте жизни без прикрас.

3

РУССКИЙ МУЗЕЙ

Любовь в авангарде. Михаил Матюшин и Елена Гуро

Центр «Зотов», Москва

с 21 февраля по 25 мая

Историю любви яркого авангардного союза начала XX века рассказывает центр «Зотов». Он — Михаил Матюшин — живописец, композитор, режиссер, последователь Малевича и автор футуристической оперы «Победа над Солнцем». Она — Елена Гуро — художница и поэтесса. Вместе они экспериментировали с синтезом искусств, стояли у истоков органической ветви авангарда, воспевающей гармонию человека и природы, искусства и науки. На выставке — плоды их творчества: картины, скульптура, эскизы декораций, и свидетельства их любви: фотографии, фрагменты переписки и другие милые мелочи — всего более 150 экспонатов. Восстановленные по рукописям музыкальные сочинения Матюшина перекликаются со стихами Гуро в авторском исполнении художницы Вари Павловой (Lisokot). На память о выставке любой желающий может создать уникальную открытку по творческому методу главных героев.

4

СОБРАНИЕ МУЗЕЯ РУССКОГО ИМПРЕССИОНИЗМА

Изображая воздух. Русский импрессионизм

Музей русского импрессионизма, Москва

до 1 июня

Музей русского импрессионизма заходит с козырей и представляет зрителям масштабное исследование этого художественного направления в нашей стране. В России импрессионизм для одних художников был кратковременным модным увлечением, для других стал основным живописным методом. Более 150 произведений рубежа XIX–XX веков от 70 живописцев — и в первую очередь от Константина Коровина, Игоря Грабаря, Петра Кончаловского и Ильи Машкова — знакомят зрителей с ключевыми чертами стиля и особенностями его отечественной версии. Вместо бульваров Парижа — улицы уездных городов, вместо актрис — крестьянки, но впечатление все такое же — прекрасное.

Экспозицию открывают «изображающие воздух» полотна: они выразительнее других показывают игру и значимость света в импрессионизме. Следом — раздел, посвященный работе с цветом, и примеры петербургского «черного импрессионизма». В пленэрной части выставки этюды Исаака Левитана, Леонида Пастернака и Леонарда Туржанского доказывают свое право считаться полноценными произведениями, а дополняют их пейзажи Виктора Борисова-Мусатова, Давида Бурлюка и Николая Тархова. Почувствовать себя студентом Академии художеств на пути к импрессионизму можно в блоке «Мастерская».

Разговор о свете и его восприятии в живописи поддерживает инсталляция «Наглядные пособия» от современной художницы Ирины Кориной. Работы ее прадеда — живописца Алексея Корина — также представлены на выставке. Погрузиться в атмосферу художественного салона XIX века помогает акустическое пространство от театрального салона «Сцена 23», где музыка соединяется со звуками среды.

1
Илья Репин. «Вера и Надя. Портрет дочерей», 1877

2
Виктор Попков. «В соборе», 1972

3
Михаил Матюшин. «Движение в пространстве», не позднее 1921

4
Николай Богданов-Бельский. «Лето», 1911

модный *W*

Рога и гобелены

В Париже открылась выставка «Кутюр в Лувре: предметы искусства, предметы моды»

Первой в своей истории подобной экспозицией, по-французски она называется «Louvre Couture. Objets d'art, objets de mode», музей явно намеревался зайти на поле, где уже находится Музей Метрополитен с его ежегодным балом Института костюма и большой вставкой моды. Получилось ли у него это — и что вообще вышло из такой амбициозной затеи? В ответах на эти вопросы становится лучше понятна природа моды. И четче вырисовываются перспективы ее уверенного вторжения в пространство больших художественных музеев, которое сейчас происходит.

Текст: Елена Стафьева

MUSEE DU LOUVRE / NICOLAS BOUSSER

MUSEE DU LOUVRE / NICOLAS BOUSSER

На выставке «Кутюр в Лувре: предметы искусства, предметы моды» (слева направо, сверху вниз) — наряды от Chanel, Jean Paul Gaultier, Givenchy и Dior

Сопоставление, конечно, напрашивается. Особенно учитывая тот факт, что в марте во время Парижской недели prêt-à-porte Лувр собирается провести Le Grand Dîner du Louvre («Большой луврский ужин»), который уже назвали парижским ответом MET Gala. Рискнем предположить, что сравнение это связано прежде всего с выдающейся метовской выставкой «Heavenly Bodies: Fashion And The Catholic Imagination» («Небесные тела: Мода и католическое воображение»), которую делал в 2018-м главный куратор Института костюма Эндрю Болтон. Она стала поворотной в истории фэшн-выставок, моду впустили в пространство большого музея и показали, как она может взаимодействовать с искусством в нем.

В отличие от многих других выставок Института костюма MET, «Небесные тела» были развернуты не только в отдельном Anna Wintour Costume Center, а по всему музею — в основном здании, The Met Fifth Avenue, в средневековых залах крыла Роберта Лемана, а также в The Met Cloisters в районе Вашингтон-Хайтс, где расположена средневековая коллекция Рокфеллеров. Это производило грандиозное впечатление. И потому, что было отчаянно красиво, и еще вот по какой причине: манекены не просто были поставлены среди музейных экспонатов, они были буквально внедрены в коллекцию MET и находились с ней в содержательном взаимодействии. В средневековой часовне стояла невеста в знаменитом свадебном наряде Баленсиаги 1967 года, посреди зала с надгробиями были распростерты девы в платьях Жана Поля Готье, над готическим порталом парил ангел в прозрачном струящемся одеянии Тьерри Мюглера. И цели у всего этого были вовсе не только декоративные — выдающаяся историческая коллекция Музея Метрополитен как бы верифицировала ценность платьев, впустив их в свое пространство и практически вобрав их в себя. Это было то самое единение с искусством — большим, настоящим, а не только декоративным, о чем мода так страстно мечтает и что безуспешно пытается осуществить с помощью коллабораций с художниками.

Кроме того, у выставки в MET была очень четко сформулированная тема, к тому же укорененная в истории моды. А у «Louvre Couture» сейчас тема максимально общая, максимально размытая и максимально декоративно-иллюстративная. Такой, собственно, получилась и сама выставка.

Куратор ее — бывший директор Музея декоративного искусства MAD Paris и нынешний глава отдела декоративного искусства Лувра (Département des Objets d'art) Оливье Габе. Выставка «Кутюр» — хотя по большей части это прет-а-порте, занимает в Лувре залы с декоративным искусством павильона Ришелье. Того, чья бесконечная анфилада заполнена предметами декоративно-прикладного искусства от Византии до Второй империи. И вот посреди всех этих кресел, кроватей, стульев, сервизов и гобеленов в произвольном порядке расставлены платья, а в витринах рядом со шкатулками и тарелками разложены аксессуары. И собраны экспонаты выставки исключительно по принципу внешнего подобия с музейными вещами. Вот золотые пчелы на парадном портрете императора Наполеона Бонапарта — а вот золотые пчелы на наряде Александра Маккуина. Вот пунцовые бархатные портьеры с золотыми ламбрекенами в апартаментах Наполеона III — а вот красное с золотыми галунами платье Chanel. Вот комод с голубым пасторальными мотивам, как на голландских изразцах,— а вот жакет Chanel с голубой вышивкой на белом фоне. И так до бесконечности, в десятках залов со всем скарбом, оставшимся от французских королей и императоров, где обычно тихо и пустынно. Но не теперь, когда они забиты скучающими на экскурсиях школьниками и суетящимися азиатскими туристами. Апофеоз кураторского метода — платье-латы Balenciaga Демны Гвасалия рядом с витриной с настоящими рыцарским доспехами.

Ближе всего к изящному искусству тут гобелены — никаких византийских мозаик и готических порталов. Но в Музее Метрополитен поставленные на фоне гобеленов с охотой на единорога стеганые костюмы Крейга Грина буквально растворялись в них, становился их частью, никак при этом — ни фактурой, ни узором — их не имитируя. В Лувре же на фоне сцен с охотой императора Максимилиана стоит наряд Жан-Шарля де Кастельбажака с изображением Бемби и плюшевой шапкой с оленьими рогами. И тут же пальто Dior из гобеленовой ткани с рыцарями и девами.

MUSEE DU LOUVRE / NICOLAS BOUSSER

MUSEE DU LOUVRE / NICOLAS BOUSSER

Никакого взаимодействия между объектами искусства и объектами моды тут не происходит — как и никакого преображения моды с помощью искусства. А главное, не происходит акселерации того эмоционального потенциала, который несет в себе настоящая большая мода — как и настоящее большое искусство.

А именно это получилось у нью-йоркской выставки. Она показала, что мода может вовлекать и давать ощущение значительности переживания — ровно такое, какое дарит зрителю искусство. И даже ангелы Мюглера в присутствии средневековых ангелов перестают выглядеть антуражем секс-вечеринки и обретают свою возвышенную сущность, как в специальной инсталляции. Парижская выставка даже не задумывается ни о чем таком — и это, конечно, шаг назад в сегодняшнем бурно развивающемся процессе соединения моды с большими музейными институциями.

Мода обладает сложной синтетической природой: не будучи в полной мере ни искусством изящным, ни искусством декоративным, она может оборачиваться и тем и другим — в зависимости от контекста, от выбранного угла зрения и от потенциала отобранных предметов — то есть от кураторской концепции. В Лувре, вопреки чаяниям куратора, называющего моду «одной из самых оживленных сфер современного искусства», она оказалась куда ближе к обшивке кресел, чем к перформансам и инсталляциям. *W*

W под музыку

На умной ноте

Самые интеллигентные музыкальные релизы февраля

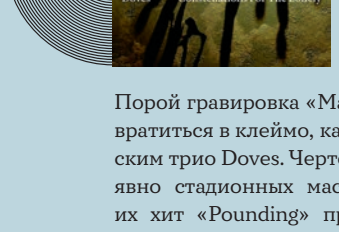
Вопреки мнению классика, от большого ума рождается не только горе, но и неглупая музыка. В частности, поп и рок с холодной головой и горячим сердцем.

Текст: Кирилл Бондарев

исполнитель
DOVES
альбом
CONSTELLATIONS FOR THE LONELY
дата релиза
14 февраля

Порой гравировка «Made in Britain» может превратиться в клеймо, как это вышло с манчестерским трио Doves. Чертовски жаль, ведь группа — явно стадионных масштабов. Не зря именно их хит «Pounding» предварял матчи «Манчестер Сити». Но, увы, парни не выдержали конкуренции с Coldplay и Elbow, оставшись локальными героями, а в 2010-м вовсе ушли в тень. Тем не менее камбэк с новым синглом «Renegade» обнадеживает. Это тот самый микс брит-попа с альт-роком, за который когда-то полюбили Doves,— страстный, гимноподобный и стильный.

исполнитель
VENAMORIS
альбом
TO CROSS OR TO BURN
дата релиза
28 февраля

Музыканты Slayer, годами обвинявшие своего ударника Дейва Ломбардо в том, что семья для того важнее музыки, посрамлены. Супружеский тандем Дейва и Полы — пример того, на что способны родственные души, когда звучат в унисон. Заручившись поддержкой соратников из супергруппы Fantomas, пара выдумала Venamoris — элитный, тягучий поп-нуар для ночных мистерий. Вишенка на торте их второго альбома — неожиданный кавер на Scorpions, звучащий так, как если б Чино Морено из Deftones стал женщиной и породнился с Ulver их трип-хопового периода. Тонко и строго по уму.

исполнитель
DARKSIDE
альбом
NOTHING
дата релиза
28 февраля

Этот студенческий дуэт пришел в музыку из разных миров: гитарист Дейв Харрингтон был замечен и благословлен авангардным гуру Джоном Зорном, а синт-кудесник Николас Джаар долго и упорно упражнялся в техно. Общей оказалась любовь друзей к психоделике 1970-х, которая не увяла и к третьему альбому проекта, ныне творящего в формате трио. Как раньше, космолет Darkside держит курс в звездный запредел, ловко избегая любых ярлыков, будь то спейс-диско, мутант-фанк или даунтемпо. И, кажется, галактика Большого Поупа все ближе. Тем, кто тоскует по гипнотическим ритмам (Chk Chk Chk),— на заметку.

W в кино

Все, что кажется правдой

Премьеры недели в российском прокате

Индийские, американские и российские режиссеры вдруг обнаружили общность. Главные новинки конца февраля — тихие и умные мелодрамы о поисках истины и проблемах с доверием.

Текст: Павел Пугачев

САМСОН ФТ

«Чистый лист»

Полина Кондратьева

Отчисленная из колледжа 17-летняя бунтарка (Полина Цыганова) устраивается работать к своей бывшей преподавательнице (Елена Лядова) сиделкой ее дочери (Зинаида Ястржембская). Чуткая мелодрама покорила жюри фестиваля «Короче» и взяла там главный приз и награду за актерский дебют.

ЭКСПОНЕНТА

«Все, что нам кажется светом»

Паял Кападиа

История двух медсестер из современного Мумбая: одна тоскует по уехавшему на заработки в Германию мужу, другая тайно встречается с иноверцем. Это первый за 30 лет участник основного конкурса Канна из Индии. И да, без песен, танцев и драк.

GLOBAL FILM

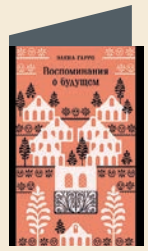
«О, Канада»

Пол Шредер

Умирающий документалист дает интервью ученикам, дабы раскрыть некоторые подробности своей жизни. Новый фильм автора «Холодного расчета» разделил критиков на два лагеря: одни видят тут размышления о памяти и кино, другие — переусложненную мелодраму.

W с книгой

Текст:
Владимир Максаков

Элена Гарро

«Воспоминания о будущем»

Перевод: Е. Даньшина

«Эксмо», 2025

Книга Элены Гарро — предтеча магического реализма, главного течения некогда столько популярной у русского читателя латиноамериканской литературы. И сейчас интерес к ней пытаются возродить. Но важно не только это: мексиканская писательница в своих текстах отрабатывает важнейший латиноамериканский образ — диктатора-военного, причем иногда самого мелкого пошиба, отчего, впрочем, он становится только страшнее. Выход из кровавой диктатуры, кажется, дает только жертвенная любовь в христианском духе. Эта триада — магический реализм, диктатура и жертвенность — сегодня обретает новую актуальность.

Джованни дель Плано Карпини,

«История Монгалов, которых мы называем Татарами»;

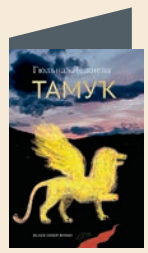
Вильгельм де Рубрук

«Путешествие в Восточные страны Вильгельма де Рубрука в лето Благости 1253»

Перевод: А. Малеин

«Художественная литература», 2025

Это давно уже необходимое переиздание главных европейских источников о монголо-татарах и Востоке XIII века. Читаются они сегодня по-новому, в том числе и как открытие западным человеком своего Другого, с которым, несмотря на всю разницу в культуре и языке, надо выстраивать диалог. Увидев последствия самого разрушительного нашествия, европейцы оказались у самого великого хана и были поражены его богатством и властью. Эта двойственность, которую подмечают люди, открывающие для себя мир, удивляет и сегодня, когда Восток вновь предстает многовековой загадкой.

Гюльназ Лежнева

«Тамук»

Black Sheep Books, 2024

Можно надеяться, что это небольшая книжка запустит новый тренд в русскоязычной литературе — национальных хоррор-сюжетов. Ничего не показывающий телевизор является символом эпохи, этаким гробом с экраном, а детское воображение оживляет картинку и оказывается способно разбудить полузабытую сказку. Но перед нами не только обращение к культурным истокам, столь востребованное сегодня: архетипы по-прежнему таят в себе удивительную жизненную силу, а битва добра со злом происходит в душе каждого человека.

W на экскурсии

Жизнебетонные блоки

«Оскар» как причина съездить в Чебоксары

Фильм «Бруталист» готовится получить очередные награды. В основе его успеха, конечно, великолепные режиссура, сценарий, актерская игра… А еще — созвучная времени идея об обретении своей безопасной крепости, убедительно воплощенная архитектурой 1950–1980-х. Увидеть достойные внимания ее образцы можно менее чем в двух авиачасах от Москвы.

Текст: Анна Углова

Кадр из фильма «Бруталист», 2024

ANDREW LAUREN PRODUCTIONS

В Венеции «Бруталист» Брейди Корбета удостоился главного приза за режиссуру. На «Золотом глобусе» одержал три победы в семи номинациях. Теперь выдвинут на «Оскар» в десяти категориях.

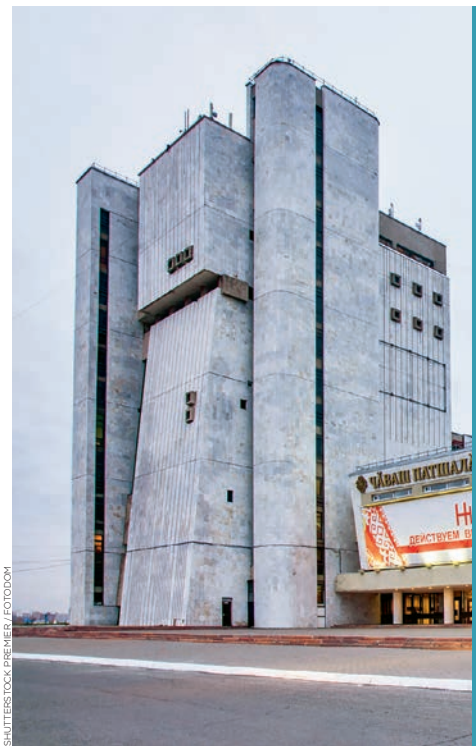
По сюжету главный герой, еврей Ласло Тот (Эдриен Броуди), архитектор, выпускник Баухауса, выжил во Второй мировой войне и переезжает из Венгрии в США. Поначалу он страдает от лишений. Но затем встречает обаятельного миллионера Харрисона Ли Ван Бюрена (Гай Пирс), который поручает ему спроектировать Институт — монументальный общественный центр с часовней, спортзалом и библиотекой. Для Тота этот проект становится magnum opus и художественным триумфом. Но вскоре архитектор понимает, что ради достижения цели придется поступиться собственными моральными принципами.

Образ архитектора, который после войны строит в Новом Свете свое главное здание,— одна большая метафора. Однако, вопреки названию и фабуле, архитектуры в фильме Корбета не так много. Она служит скорее катализатором размышлений об амбициях, испытаниях, духе и выживании. Архитектор, опустошенный войной, получив возможность творческой реализации, разрушает себя еще сильнее. Выхолощенный и учтивый Ван Бюрен строит Институт не из желания улучшить жизнь общества и не из восхищения перед талантом Тота. Он возводит памятник самому себе.

Художник-постановщик «Бруталиста» Джуди Беккер в одном из интервью признается, что испытывала страсть к архитектуре, особенно к брутализму, задолго до картины: она полюбила ее «много-много-много лет назад, намного раньше, чем полюбили другие». Беккер говорит, что избегала прямых отсылок к реальным бруталистским объектам. И все же упоминает некоторые прообразы: архитектора-самоучку Тадао Андо, чья Часовня Света явно перекликается с одной из локаций фильма; Марселя Брейера и его Музей Уитни в Нью-Йорке. Вспоминается и Луис Кан, уроженец эстонского острова Сааремаа и один из важнейших американских архитекторов XX века с его проектом Института Солка.

И ЭТИКА, И ЭСТЕТИКА

Ласло Тот — вымышленный персонаж. Для реальных архитекторов брутализм тоже во многом начинался с попытки преодолеть эмоциональные последствия войны. Название этого весьма расплывчатого направления, чье развитие пришлось на 1950–1980-е, произошло от слов «béton brut», то есть необработанный бетон. Автор словосочетания — модернист Ле Корбюзье, который видел важнейшую задачу послевоенного времени в строительстве жилья. О необработанном бетоне он впервые написал в связи с возведением Марсельской жилой единицы, семнадцатиэтажного жилого комплекса из 337 квартир 23 типов.

Чувашский государственный театр оперы и балета, Чебоксары

SHUTTERSTOCK PREMIER / FOTODOM

Почему béton brut так приглянулся Корбюзье, а вслед за ним и другим? Простая версия: это удешевляло стоимость строительства. Менее очевидная: после войны люди хотели чего-то устойчивого и подчеркнуто материального; легкий модернизм межвоенного времени с его тонкими ножками и фасадами из стекла не отвечал этому запросу. Здания брутализма похожи на крепости, а одним из его провозвестников были шершавые поверхности военных укреплений: архитекторы стремились переработать и присвоить себе их эстетику и перевести ее на мирные рельсы. Любой бруталистский объект образно близок к дзотам и бункерам. А некоторые так и называются — например, Центральная лаборатория животных Свободного университета Берлина известна как «Мышиный бункер».

Датой и местом рождения брутализма как направления можно считать 1956 год и Великобританию. Тогда на лондонской выставке «Это — завтра» архитекторы Элисон и Питер Смитсон вместе с художником Эдуардо Паолоцци и фотографом Найджелом Хендерсоном представили проект «Патио и павильон». Инсталляция состояла из трехстенной конструкции с пластиковой крышей, окруженной песчаным патио. Внутри разместили случайные предметы: детали велосипеда, разбитый рожок, часы без стрелок и другие вещи, отражающие повседневную жизнь страны, которая приходит в себя после войны.

Историк архитектуры и критик журнала The Architectural Review Рейнер Бэнем назвал увиденное «новым брутализмом», а через десять лет выпустил книгу «Новый брутализм. Этика или эстетика?». По Бэнему, брутализм — это здания, в которых простые материалы и грубые формы используются для формирования мощных и запоминающихся образов.

Расцвет брутализма пришелся на 1960-е, когда государству нужно было переселить рабочий класс из трущоб в новые дома: комфортные, с культурными и торговыми пространствами, но вне условностей старинных британских городов. Так появились многие жилые комплексы, ставшие синонимами брутализма: лондонские Темсмид, где снимали «Заводной апельсин» Стенли Кубрика, «Барбикан» архитектурного бюро Chamberlin Powell & Bon, «Парк-Хилл» Джека Линна и Айвора Смита, учеников Питера и Элисон Смитсон.

Сегодня брутализм по-прежнему овеян противоречиями и критикой. Тем не менее Британия гордится им. Архитектурный критик и исследователь Оуэн Хазерли полагает, что благодаря брутализму его страна сделала свой самый значимый вклад в архитектуру XX века. Начавшись здесь, он широко распространился и теперь встречается где угодно, от Африки до Латинской Америки. В Советском Союзе брутализм не имел названия, но существовал: в Москве иконическими примерами стали дом-сороконожка у метро «Беговая» и «Дом атомщиков» на Тульской — 14-этажный колосс длиной 400 метров. В Санкт-Петербурге — застройка вокруг реки Смоленки у Финского залива.

ОТ ТЕМЗЫ ДО ВОЛГИ

Судьбу брутализма в наши дни определили соцсети: блогеров привлекла фотогеничная суровость этой архитектуры и то, что ее мало знали вне профессиональных кругов. Так, благодаря соцсетям внезапную известность приобрел Театр оперы и балета в Чебоксарах. Футуристичное здание на берегу Чебоксарского залива нередко сравнивают с базой межгалактических повстанцев. С ландшафтами из «Звездных войн»

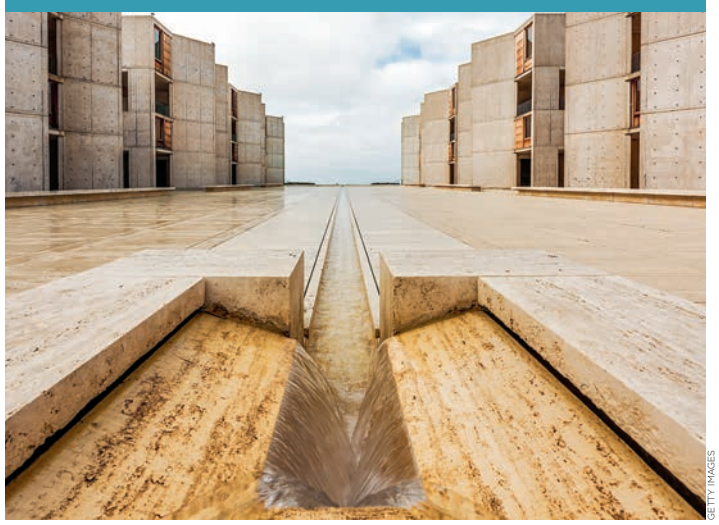
этот объект роднят грузные белоснежные объемы и вентиляционные люки, напоминающие сопла летательных аппаратов.

Здание закончили в 1985 году. Его строили по проекту главного архитектора института «Гипротеатр» Владимира Тенеты и Рубена Бегунца, который также был автором театров в Уфе и Владивостоке. Вокруг сооружения выросло много баек: например, что его возвели задом наперед и один из архитекторов упал в обморок, когда увидел это. Или что здание должно было напоминать по форме лебедя.

Его задумывали как будущий центр культурного квартала: вокруг планировали построить музеи, библиотеки, художественные галереи и другие театры. Однако из-за распада Советского Союза этого не случилось.

Резкие перемены в стране не дали закончить в Чебоксарах еще один большой бруталистский проект — Дворец культуры тракторостроителей. Архитекторы Феликс Новиков, Григорий Саевич и Владимир Биндеман планировали, что вокруг здания раскинется каскадный парк. В реальности денег и материалов едва хватило даже на саму постройку, не говоря уже о благоустройстве территории. Новиков вспоминал, что он с трудом «проскочил» (согласовал.— Прим. ред.) заказ на казахский травертин — камень для наружной облицовки.

Институт Солка по проекту Луиса Кана в Сан-Диего, Калифорния

GETTY IMAGES

Не удалось реализовать занавесы для залов. Их должны были исполнить по эскизам художника и сценографа Бориса Мессерера, но нужных тканей уже не было. Благоустройство парка перед дворцом обозначили только диагональными водоемами и недоделанным фонтаном. И все равно вышло эффектно: травертиновые фасады почти не потемнели и сегодня, а их суровость в сочетании с множеством диагоналей в композиции роднит образ с горной грядой.

Третий бруталистский объект Чебоксар — Музей Василия Чапаева по проекту Михаила Суслова. План здания и его красные фасады из мраморной крошки напоминают реющее советское знамя. Этот объект открыли в 1974 году, и на него, в отличие от предыдущих, не пожалели средств и дорогого декора: здание украшено композицией из меди «Конница Чапаева», в фойе находится витраж «Красная Армия» — панно из разноцветного хрусталя работы Анатолия Иванова и Петра Егорова. В 1986 году рядом с музеем разместили реконструированный мемориальный дом Чапаевых из деревни Будайка, где родился будущий полководец.

Привлекательность брутализма состоит том числе в его вызывающем разнообразии. Он отметает условности, штампы, клише, обращен в будущее и дает шанс начать с нуля. Но одновременно это и одно из его слабых мест — направление не любят в том числе за его «инаковость» и отсутствие исторических отсылок. Это как атональная музыка,— говорит Беккер, художник-постановщик «Бруталиста». В этой архитектуре нет ничего, с чем люди могут себя соотнести. Но для Тота, как и для реальных архитекторов-бруталистов, в этом и состоит главная прелесть. Это — их способ попрощаться со страшной историей XX века. И со всем остальным, что они предпочли бы забыть. *W*

W на диване

Кассандра жжет

«Мисс Остен» — юбилейная премьера на BBC One

Новый мини-сериал задается вопросом, зачем большую часть писем гениальной Джейн Остен сожгла ее сестра Кассандра,— и дает на него слишком сентиментальный и почти неоригинальный ответ.

Текст: Татьяна Алешичева

В этом году исполняется 250 лет со дня рождения Джейн Остен, главной бытописательницы предвикторианской эпохи и гуру матримониальных мелодрам, подарившей миру образцового героя-любовника мистера Дарси,— а круглая дата предполагает чествования. Первым презентом секте остеноманов стал сериал про ее старшую сестру Кассандру, совершившую один из самых печальных актов вандализма в истории литературы: она уничтожила огромное количество писем Джейн.

BBC

Догадаться зачем — не бином Ньютона, литературоведы давно приняли тот факт, что семья писательницы после ее смерти последовательно занималась лакировкой действительности, подавая ее нежной горлицей, а не въедливой ехидной женщиной, повидавшей в жизни всякое. Не сожги Кассандра письма, этот засахаренный образ, по-видимому, был бы разрушен. Но романистке Джилл Хорнби оказалось недостаточно общепринятой версии, и она в книге «Мисс Остен» выдала сентиментально-детективную историю, придумав Кассандре безупречные оправдания,— по этому роману и поставлен сериал.

История начинается в 1830 году, когда старая дева Кассандра Остен (Кили Хоуз) узнает о смерти викария Фаула. Когда-то Кассандра была обручена с его младшим братом, а Джейн долгие годы обменивалась письмами с женой викария, теперь уже тоже покойной. Письма Джейн — это бомба! Кассандра знает, что в доме Фаула их скопилось немало и, не прими она меры, они попадут в руки вдовы ее брата Мэри Остен (Джессика Хайнс) — чрезвычайно неприятной особы, которой незнакомо чувство такта.

Кассандра спешит в дом почившего и обнаруживает, что его трепетная дочь Изабелла (Роуз Лесли) находится в стесненных обстоятельствах. Кассандра находит письма Джейн, полные воспоминаний юности про их с сестрой горькую женскую судьбинушку — обе так и не вышли замуж,— и воодушевленно берется устраивать судьбу Изабеллы, по ходу дела притворно улыбаясь Мэри и пряча от нее вожделенную корреспонденцию.

Образу Мэри Остен сатиры отсыпали достаточно — чего стоит эпизод, когда Кассандра подхватывает в соседней деревне дифтерию, а пришедшая с визитом вежливости Мэри с поджатыми губами ставит себе стул у самой двери, чтобы не дышать с ней одним воздухом. Это сама суть викторианства, каким мы его знаем по классике: безупречно выверенные манеры снаружи и безжалостная гниль внутри.

Джейн Остен умерла за два года до появления на свет королевы Виктории, но является литературной предтечей викторианского образа мыслей и самой ехидной бытописательницей тогдашнего общества. В ее книгах полно таких персонажей, как Мэри Остен. Например, та же Фанни Дэшвуд из романа «Чувство и чувствительность». Именно в умении изображать гадких людей гадкими, сохраняя невозмутимое выражение лица,— главный юмористический талант писательницы. Сериал с удовольствием подхватывает эту манеру, раздавая всем сестрам по серьгам. Другое дело, что в итоге сама Джейн Остен оказалась невольной жертвой викторианского кодекса приличия, когда потомки слепили из нее кроткую безобидную тетушку.

В сериале Кассандра — гений самоотверженности: после гибели первого жениха она отказывает второму. И все для того, чтобы посвятить жизнь гениальной сестре. А Джейн не поняла и не приняла ее жертвы и переживала об их незадавшейся жизни. По мысли авторов сериала, Кассандра не хотела, чтобы великая сестра выглядела неудачницей. И письма сожгла именно поэтому.

Впрочем, интриги и расследования — что там было в этих письмах скандального? — свелись в милейшем остеноподобном сериале BBC ко все тому же благостному викторианскому канону: чувству и чувствительности. *W*

познавательный *W*

Страшно влиятельный доктор

Из чего 105 лет назад появился первый хоррор и как культура продолжает жить в его мире

26 февраля 1920 года в Берлине состоялась премьера «Кабинета доктора Калигари» — фильма о психиатре, подчинившем себе волю другого человека и убивавшем его руками невинных людей. Для современников это был разговор о недавней войне и манифест экспрессионизма. Для Голливуда стал предметом зависти и заложил основы нуара. Для послевоенного общества — это страшное сбывшееся предсказание событий середины XX века. А для современной культуры — первый хоррор, первая андерграундная лента, первый фильм о человеке с измененным сознанием и неиссякаемый источник цитат и вдохновения.

Текст: Ульяна Волохова

1 **Замысел фильма возник на ярмарочном шоу.** Зимним вечером 1918 года по Берлину, оживленно разговаривая, гуляли 28-летний Ганс Яновиц и 24-летний Карл Майер. Познакомились они недавно, но объединяло их многое. Оба бывшие подданные только что распавшейся Австро-Венгрии (Яновиц родом из Праги, Майер — из австрийского Граца), обоих Первая мировая сделала убежденными пацифистами, оба приехали в Берлин в поисках работы. Майер устроился в театр администратором, Яновиц писал статьи и дорабатывал чужие киносценарии, мечтая создать собственный, но никак не мог определиться с темой. Блуждая по городу, мужчины наткнулись на ярмарку и решили зайти на шоу «Человек или машина». Действие было незамысловатым: огромный детина, находясь под гипнозом, демонстрировал свою физическую силу и делал туманные предсказания о будущем. Наблюдая за ним, Яновиц понял, что его первый сценарий должен быть о сомнамбуле и гипнотизере, и предложил Майеру стать соавтором.

2 **Прототипы Калигари — армейский психиатр и Шопенгауэр.** В отличие от офицера Яновица Майер участия в боях Первой мировой не принимал. Чтобы избежать призыва, он симулировал душевное заболевание и несколько раз проходил освидетельствование у армейского психиатра, который мучил его диагностическими тестами и долгими изнурительными беседами. Неприятные воспоминания о враче преследовали Майера даже после войны и легли в основу образа доктора Калигари, обладающего мистической властью над волей и судьбами людей. Внешность Калигари Майер и Яновиц позаимствовали у основателя философии пессимизма и великого мизантропа Артура Шопенгауэра. Его идеями об иррациональности воли человека и неизбежности зла были захвачены европейские интеллектуалы накануне Первой мировой.

3 **Режиссер изменил финал фильма.** Сценарий вместе с полными правами на него Яновиц и Майер продали компании Decla. В авторской версии история заканчивалась жизнеутверждающе: Чезаре погибал, а Калигари, лишившись марионетки, терял силу и превращался в слабоумного старика. Однако режиссеру Роберту Вине хеппи-энд не понравился, и он переписал его. Франц, Чезаре и Джейн оказывались в финале пациентами клиники для душевнобольных, которую возглавлял Калигари, историю о сомнамбуле он представлял бредом рассказчика. Такой поворот был смелым решением и первым экспрессионистским опытом в кино: до «Кабинета доктора Калигари» кино ни разу не показывало историю глазами человека, находящегося в измененном состоянии сознания. Сценаристы новаторства режиссера не оценили и были в ярости. Яновиц и Майер считали, что Вине уничтожил их разоблачающее высказывание — получалось, что власть торжествовала, а сопротивление ей приравнивалось к сумасшествию,— но сделать ничего уже не смогли.

DECLA-BIOSCOP AG

Кадры из фильма «Кабинет доктора Калигари», режиссер Роберт Вине, Германия, 1920

ДОМЕРА

4 **В СССР фильм ругали, но использовали.** На советских экранах «Кабинет доктора Калигари» появился в 1922 году. Мрачная рефлексия травм Первой мировой зрителям, только что пережившим коренной политической перелом и строящим новое государство, не слишком понравилась. В советской кинокритике стали использовать термин «калигаризм» — для упаднических, пессимистичных фильмом. Его применяли, например, по отношению к экранизации «Шинели» (1926) Григория Козинцева и Леонида Трауберга. Но если содержательно «Кабинет доктора Калигари» был чужд советскому кинематографу, то с технической стороны оказался полезен. Как и все советское государство, кинопроизводство середины 1920-х существовало в режиме экономии, ленты следовало снимать экономно и быстро, с минимумом расходных материалов. Наработки «Кабинета доктора Калигари» — лаконичный «частный» сюжет, небольшое количество персонажей, крупные планы героев, разрушающих четвертую стену взглядом в камеру, утрированные эмоции, бумажные декорации, работа со светом и тенью — пришлись кстати.

5 **«Калигари» помог становлению нуара.** Новый голливудский жанр зародился в похожих с немецким экспрессионизмом обстоятельствах. В начале 1940-х в США еще чувствовались отголоски Великой депрессии и порожденных ей недоверия и разочарования, к тому же в Европе началась Вторая мировая. Нуар многое заимствовал у немецких фильмов, передававших в свое время похожие переживания, и в том числе у «Кабинета доктора Калигари». За прошедшие с его премьеры 20 лет в кинематографе многое изменилось — пришли звук и цвет, но оказалось, что те визуальные и тематические открытия, которые сделал фильм, нисколько не устарели. Искаженные ракурсы, игра со светотенью, мотив измененного сознания, ненадежный рассказчик, декорации, подчеркивающие и усиливающие эмоциональное состояние героев. Все это позволяло нуару бесконечно воспроизводить главный вызываемый «Калигари» эффект: ощущение душевного дискомфорта и беспокойства, не покидающее зрителя даже после финальных титров.

6 **«Кабинет доктора Калигари» — первый хоррор.** Такой титул ему присвоил критик и историк кино Роджер Эберт. Формально, конечно, кинематограф знал об ужастиках и до 1920 года. С экрана зрителей уже пугали привидения, вампиры, чудовища и гигантские пауки. Но «Калигари» предложил зрителю не просто напугаться, а испытать страх: «В нем создается пейзаж сознания, субъективная фантазия психики. В его мире становится возможным невыразимый ужас»,— писал Эберт. Влияние причудливой, клаустрофобической атмосферы «Калигари» сложно переоценить, она сопровождает кинематограф уже более 100 лет. Найти ее можно в том, как с пространством работал Стэнли Кубрик в «Сиянии», как нагнетал кошмар в своих фильмах Альфред Хичкок, как создавали свои миры Тим Бёртон и Дэвид Линч. *W*

Расширенные версии материалов Weekend, больше иллюстраций и текстов — на странице издания на kommersant.ru